О них забыли,

но они вернулись.....

„МОРСКОЙ" БРОНЕПОЕЗД

Краснобородько В.М.

16+

Валерий Михайлович Краснобородько
«Морской» бронепоезд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48581196
SelfPub; 2024
ISBN 978-5-532-04772-3

Аннотация

В основе книги лежат реальные события Великой Отечественной. Рассказ пойдёт о подвиге матросов и офицеров, служивших на единственном в мире морском бронепоезде номер 10 "За Родину!" Они защищали Азов, Ростов-на-Дону, Батайск. Они стояли насмерть. Бились до последнего снаряда. Уходили с поля боя последними, при этом не дрогнули и не сломались. О них забыли..... Они шесть дней и ночей сражались в окружении врага. А обещанные катера так и не пришли.... Но они выжили и вернулись! Обложка разработана и выполена автором.

Содержание

Глава 1. Март 1942-го, штаб группы армий «А» 4
Глава 2. Октябрь 1941-го, Новороссийск 9
Глава 3. Военно-морская база Новороссийска 12
Глава 4. Знакомство 19
Глава 5. Морская база, Туапсе, декабрь 1941-го 25
Глава 6. Новороссийск, 14 января 1942-го 32
Глава 7. Командирский кубрик 37
Глава 8. Станция Приморско-Ахтарская 41
Глава 9. Склады. Ст. Приморско-Ахтарская 49
Глава 10. В это же время за складами 56
Глава 11. На перроне 60
Глава 12. Здание ст. Приморско-Ахтарская 62
Глава 13. Около бронепоезда 68
Глава 14. Кабинет начальника станции 71
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Валерий Краснобородько "Морской" бронепоезд

Глава 1. Март 1942-го, штаб группы армий «А»

За окном стемнело.

В хорошо обустроенном кабинете, за дубовым, резным столом конца девятнадцатого века, сидел немецкий полковник. Он что-то быстро писал, под светом настольной лампы, то и дело, в ожидании кого-то, поглядывая на часы.

В дверь постучали.

Полковник Вильгельм Рихард дописал слово, поставил точку в конце предложения и посмотрел на часы. Улыбнулся. Неспешно отложил бумагу в сторону. Накрыл листок с записями, толстой папкой, с текущими канцелярскими документами. Только потом, громко произнёс, и с интересом посмотрел на дверь:

– Да, войдите!

Массивная, старинная дверь отворилась. В плохо освещённый кабинет, вошёл молодой человек, в полевой форме, в звании капитана. Яркий свет лампы, освещал лишь стол полковника. Вторая же половина комнаты находилась в ве-

чернем сумраке, из-за чего, лицо вошедшего человека невозможно было разглядеть.

– А вы, и в правду, точны, – довольный полковник, откидываясь на спинку кресла, очередной раз посмотрел на часы, висевшие на стеле слева от стола, – мой друг! Я, было дело, уже подумал, что стану первым человеком, который увидит ваше опоздание!

– Добрый вечер, господин полковник. Я, никогда, не опаздываю! – в темноте, невидно эмоций говорившего человека, было слышно ровный и спокойный голос, выговаривающий чётко каждое слово.

– Вижу! Вижу! – полковник вздохнул. Про этого человека, он знал всё, и в мечтах, желал поймать его, хоть на какой-нибудь мелочи, вроде опоздания. Не со зла, конечно, а ради самоутешения.

– Господин полковник, – гость, слегка понизил голос, словно боялся, что их могут услышать, – у нас, всё готово. Группа на аэродроме, самолёт заправлен. Разрешите начать операцию?

– С первой и второй группой связались? – серьёзно и строго ответил хозяин кабинета.

– Так точно. Они выдвигаются к месту, и готовят встречу.

– Замечательно! – улыбнулся полковник. – Приятно иметь дело, с профессионалами! – но улыбка исчезла, и он опять стал суров. Тени придавали его лицу ещё большей суровости надменности. – Я надеюсь, капитан Вульф, что вы, и эту опе-

рацию, проведёте виртуозно, как и все предыдущие. И вы, лично, отвечаете головой за операцию!

– Так точно, господин полковник! Всё как всегда! – капитан Вульф вскинул руку к солнцу и вышел за дверь.

Полковник проводил взглядом капитана и вернулся к своему документу.

Спустя два часа, немецкий транспортный самолёт незаметно пересёк линию фронта. В темноте транспортника, загорелась оранжевым светом лампа над дверью. Диверсанты, в полной экипировке, один за другим, стали выпрыгивать в открывшуюся дверь. Купола их парашютов белыми грибами открывались в чёрном небе.

В ночной мгле, невидно ни лиц, ни человеческих фигур, лишь белыми пятнами выделялись купола. Вражеские диверсанты, приземлялись и тут же прятали парашюты, и бежали в известном им направлении. Ещё несколько минут и вся большая группа, пятнадцать человек, была в сборе в назначенной точке. Проверили. Все на месте. Переоделись в гражданскую одежду и спокойно двинулись вперёд. Ночь и хорошая маскировка, по-прежнему отлично скрывали диверсантов, темнота поглотила даже их силуэты.

– Бегом! – тихо командует старший, по холодному и спокойному голосу можно понять, что командиром группы является капитан Вульф. – На немецком, больше ни слова! Все разговоры, на русском!

По первым прогалинам, и ещё довольно глубокому сне-

гу, гитлеровские диверсанты убегали с места высадки. Они, змейкой, бежали к железнодорожному полотну. Вот уже показалась и насыпь полотна. Вокруг тишина. Значит, высадка прошла успешно. Вот и долгожданные рельсы, на которых стояли несколько дрезин, на каждой из них сидело по одному человеку.

– Неправда ли, сегодня прекрасная ночь? – спросил капитан Вульф.

– Отличная, на утро обещают грозу, – послышался отзыв из темноты.

Отзыв был верный. И капитан отдал приказ своим бойцам рассаживаться по дрезинам.

Как вдруг, из кустов, выскочили красноармейцы, и с ходу открыли огонь по противнику. Завязалась кровавая перестрелка. Вражеские пули, убивают советских солдат, одного за другим. Фашисты тем временем, садятся на дрезины и начинают разгоняться, продолжая отстреливаться от русских, взявших след группы.

Два советских бойца, остались в живых, подбираются к железно дорожному полотну. Пожилой человек первым пытается подняться на насыпь. За ним следом, бежит молодой парень. Он с трудом кричит, задыхаясь от быстрого бега:

– Матвеич… недолжны… уйти…

– Я должен… – пожилой солдат, не успевает ответить, как ему в грудь, бьёт снайперская пуля.

Он упал, но удержался на склоне, и всё ещё пытается под-

тянуться к рельсам. Вот его рука ухватилась за рельс, и он, пытается подтянуться, но вдруг замер… Умер… Второй, молодой парень, выскочил на насыпь и открыл огонь вдогонку диверсантам. У него закончились патроны, он попытался перезарядить винтовку, и в ту же секунду, пуля ударила ему в плечо. Советский солдат упал на железнодорожное полотно, разбив голову об рельс.

– Больно… Мм… – шепчет он, стискивая зубы, и закрывает глаза.

Бой быстро закончился. Диверсанты укатили на дрезинах вглубь советской обороны. А на снегу, осталось лежать шесть трупов фашистов и примерно столько же погибших красноармейцев, два из них, лежали прямо на дороге… Молодой боец со слезами на глазах, превозмогая боль, смотрит вдаль… Задание провалено… Дрезины с диверсантами на борту, постепенно удаляются вдаль, оставляя у себя за спиной передовую и всё больше продвигаясь в тыл красной армии… Раненый боец, от разочарования и ненависти сжимает кулаки… закрывает глаза…

Глава 2. Октябрь 1941-го, Новороссийск

С самого утра, небо затянуло тяжёлыми осенними тучами. На город полетели, сотни миллионов, мелких капель холодного дождя. Рабочие, вагоностроительного завода, несмотря на сырую, дождливую погоду, собрались во дворе предприятия, на небольшой площади у административного корпуса. На импровизированной сцене, сбитой на скорую руку из ящиков и досок, стояли комсорг, парторг и председатель профсоюза завода. Около сцены, под сколоченным, так же на скорую руку, брезентовым навесом стоял стол, за которым сидели две женщины, лет около пятидесяти, заводские бухгалтера. Перед ними, лежат листы бумаги со списками рабочих, счёты, чернильницы с перьями. Они были готовы приступить к делу, но пока, слушают речи ораторов.

На сцену вышла бойкая, тридцатипятилетняя женщина, с горящими идеей глазами и отличными ораторскими способностями. Это была председатель профсоюза рабочих завода.

– Товарищи! – начала она свою речь. – Да, мы сейчас, не всем коллективом, здесь собрались! Наши товарищи, друзья, родственники, в данную минуту, стоят у заводских станков! Но и они, своими горячими, коммунистическими сердцами, вместе с нами, здесь и сейчас, на этой маленькой площади!

Наше, всеобщее, желание построить для фронта новый бронепоезд, это желание всех рабочих Новороссийского вагоностроительного завода, одобрено! Ура! Мы, можем приступить к сбору денег, на постройку нового бронепоезда! Нашего с вами, бронепоезда!

Народ, кутаясь от моросящего дождя в куртки и плащи, дружно откликнулся одобрительными возгласами.

– Тем более… Тем более, что уже в наших с вами цехах, стоит восстановленный нашими же руками, старый, но очень мощный паровоз! Начало, товарищи, как говориться, положено! Дальнейшее, зависит только от нас с вами! От нашего с вами, труда! Чем быстрее мы соберём бронепоезд, тем быстрее, он отправиться на поля сражений! Для того чтобы, бить всей своей огненной мощью, врага, вероломно напавшего на наше молодое Советское государство! Смерть фашистским оккупантам!

Народ криками «Ура!», «Смерть фашистским оккупантам!» вновь единогласно поддержал оратора.

– На этой, оптимистической ноте, – обратилась председатель профсоюза к собравшемуся народу, – прошу вас, разрешить мне, закончить наш небольшой митинг, а сбор денег, открыть! Товарищи! Прошу, подходите сейчас к столу, и вносите свой добровольный взнос! Кто, сколько может! Но помните! Товарищи! Это всё, идёт на борьбу, с немецко-фашистскими захватчиками! Всё, для фронта! Всё, для победы!

Рабочие, вновь поддержали оратора овациями и постепенно стали выстраиваться живой цепочкой к столу с бухгалтерами. Первыми подошли к столу директор, главбух, парторг, комсорг, а потом, все остальные. Женщины в нарукавниках, несмотря на сильный ветер, работали быстро и профессионально. Принимали деньги, складывали их в специальный ящик в столе, записывали «перьями» сумму напротив фамилии, и давали рабочему расписаться около своих инициалов.

– Товарищи! Товари-и-щи-и! – продолжала вещать с трибуны председатель профсоюза. – Напоминаю! После митинга, наша рабочая комиссия, пройдёт по всем цехам, и соберёт с остальных рабочих добровольные взносы! Ура, товарищи! Скоро, наш собственный бронепоезд, выедет из ворот, нашего любимого завода! Ура!

Рабочие, стоя в очереди, поддержали оратора громким «Ура!».

– Члены рабочей комиссии! – строго произнесла председатель, она осмотрела людей, стоявших на площади и в очереди. – Члены рабочей комиссии! – увидев, что все члены комиссии смотрят на неё, закончила свою фразу, – Членов комиссии, прошу никуда не расходиться!

В хвост очереди, всё пристраивались и пристраивались люди.

Глава 3. Военно-морская база Новороссийска

В штаб военно-морской базы в г. Новороссийске, вошёл директор Новороссийского вагоностроительного завода, с представителями трудящихся, это парторг, комсорг, председатель профсоюза и трое передовиков производства. Все женщины (члены рабочей комиссии завода по постройке бронепоезда). Дежурный посмотрел документы товарищей, записал в журнал и пропустил. Едва делегация проследовала к лестнице, он тут же набрал на дежурном телефонном аппарате номер:

– Дежурный Колотило, с центрального…

– Я слушаю! – ответили на другом конце провода.

– Иван Захарович, к вам, большая делегация с вагоностроительного…

– Уже идут?

– Да. Уже идут…

– Спасибо!

Дежурный положил трубку.

Командир военно-морской базы, Холостяков Иван Захарович, предупреждённый дежурным на входе, лично встретил делегацию в коридоре, перед дверями собственного кабинета. Он внимательно осмотрел делегацию, улыбаясь, тор-

жественно произнёс:

- Здравствуйте товарищи! Прошу вас! Товарищи, проходите. Присаживайтесь. Да вас так много?! Ничего! Проходите, кабинет большой, всем места хватит.

Директор завода, взволнованно и смущённо, в полосатом костюме, то и дело поправляющий пуговицы на пиджаке, первым приветствовал командира военно-морской базы:

– Добрый день, Иван Захарович. Спасибо за гостеприимство!

Вся делегация, приветствуя Холостякова, прошла в рабочий кабинет и расселась по расставленным вдоль стены стульям.

– И так, товарищи, – серьёзно спросил Холостяков, – и что вас, к нам привело, на нашу базу? Я, весь во внимании. Слушаю. И помогу чем смогу. Но многого обещать не буду!

– Иван Захарович! – затараторил директор завода, с лёгким напором. – У нас тут, серьёзное дело. Лично к Вам, как командующему морской базой и ко всей базе в целом.

– Так-так! – с интересом ответил Холостяков. – Помогу, чем смогу.

– Все трудящиеся завода… – заговорил директор завода, немного спеша и сбиваясь, – Нашего, вагоностроительного завода, выразили желание за свои собственные средства, выпустить бронепоезд и ни копейки денег, не брать с государства. Это целиком и полностью, народное волеизъявление! Поверьте, никто не остался в стороне…

Холостяков понимающе кивнул головой:

– Понимаю… Похвально. И?

– Мы, коллектив завода, хотели бы с вами договориться… – продолжил директор, волнуясь ещё больше. – Собственно мы, поэтому и пришли сюда, в надежде, что военно-морская база Новороссийска, вооружит наш бронепоезд! Вот.

– Угу.

– Постройку бронепоезда, нам уже одобрили. Но решением сверху, вооружение бронепоезда, должны заниматься мы сами… Понимаете… Не хотелось бы его, потом разбирать и пускать, как обычный поезд. Ведь для него, специально отремонтировали старый давно списанный, но очень мощный паровоз…

– Даже так! Интересно! – удивился Иван Захарович, до этого момента сидел в кресле, откинувшись на спинку, но теперь приподнялся и с интересом смотрел на гостей.

Директор завода продолжал эмоционально говорить:

– Да-да! Проделана, уже очень большая работа! Мы к Вам, как видите, пришли не с пустыми словами.

– Вижу, подготовились.

– Ага. Как же без этого! Значит, сейчас идёт подготовка подвижного состава к нему! – директор перевёл дыхание, и продолжил, – Если вы, нам не верите, то мы все, просим вас, проехать к нам на завод! И там всё посмотреть своими глазами! И поверьте, – он положил левую ладонь на грудь, – работа над паровозом, никак не влияет на выполнение плана.

Все, всё, делают в свободное от работы время.

Холостяков, на некоторое время, задумался. Покрутил в руках карандаш. Потом отложил его на край стола, и потянулся к телефонному аппарату. Ведь такие вопросы, просто так, по чьему-то желанию не делаются. Всегда нужно иметь разрешение вышестоящего начальства.

– Ну-у, почему же не верю? Очень даже верю. Если честно, вы меня немного ошарашили! – Холостяков подносит трубку к уху и говорит, – Девушка, пожалуйста, 05-05. … Жду!

– Шурыгин у аппарата! – послышался голос в трубке.

– Никита Валентинович, доброе утро! – приветливо говорит Иван Захарович. – Это вас, Холостяков беспокоит! По очень важному вопросу.

– Рад слышать, Иван Захарович. Что за вопрос?

– Тут, значит, ко мне пришла большая делегация с нашего вагоностроительного завода…

Шурыгин, в этот момент, в своём кабинете. Сидит за столом, с зелёной лампой и дымит папиросой.

– А-а! По поводу бронепоезда?! Вот шустрые! Я им только пообещал… – он выпустил дым. – Ну не важно. Извини! Не успел тебе сообщить. Я, сегодня днём, в ваши края собирался. Думал, заодно заеду и сообщу! – делает новую затяжку.

– Что, от меня требуется? – голос в трубке. Холостяков понял, что вопрос уже решён и всего-то требовалось узнать его участие в данном деле.

– От тебя потребуется, вооружение и добровольцы… – выпуская дым, ответил Шурыгин.

– А…

– Это распоряжение сверху!

– Я согласен. Но при одном условии! Никита Валентинович, вы уж не обессудьте.

Шурыгин гасит окурок в пепельнице и строго произносит в трубку:

– Иван Захарович, не пригибайте палку! Сейчас идёт война! И торг, совсем неуместен!

– Уместен, как никогда! – уверенно отозвался Холостяков. Шурыгин хотел возмутиться, но Иван Захарович, быстро продолжил, не дав ему говорить, – Пусть это будет, флотский бронепоезд! Так сказать, морской бронепоезд!

Шурыгин облегчённо вздохнул.

– Тьфу, чёрт! Ты про это? Само-собой. Я уж, чёрте чё подумал! Вообще, верно мыслите! Завод Новороссийский, город портовый. Вооружала военно-морская база. Экипаж, тоже вы дадите. Так что, препятствий не вижу. У тебя всё? – Никита Валентинович, вытащил очередную папиросу из пачки, но потом передумал и спрятал её обратно.

Холостяков в своём кабинете. Смотрит на делегацию, а те, в свою очередь, с нетерпением ждут результата переговоров.

– Да, Никита Валентинович, всё! – улыбаясь собеседнику, отвечает Иван Захарович.

– Тогда, Иван Захарович, начинай собирать для нашего

морского бронепоезда отряд. И главное, я тебя лично прошу, подбери толкового командира! Сильно не хочется, при первом же столкновении с фрицем, упасть лицом в грязь. Надеюсь, вы меня понимаете?! – голос Шурыгина в трубке.

– Понимаю. У меня, есть на примете такой человек… – уверенно отвечает Холостяков.

– Отлично! Остальное, при встрече. До встречи Иван Захарович.

– Хорошо. До встречи, Никита Валентинович! – Холостяков кладёт телефонную рубку на аппарат.

Он, перевёл взгляд на делегацию. Внимательно, но строго осмотрел их, потом простодушно улыбнулся и сказал:

– Ну, товарищи, вы даёте! Уже все, всё знают! Я, один, узнаю последним… Ладно! Будет вам вооружение. Значит, бронепоезд будет краснофлотским! И на службе состоять будет, на нашей морской базе! По-другому, я не согласен. И даже, не уговаривайте!

Вся делегация, одобрительно закивала головами. Главное, что их бронепоезду – быть! А, где он будет приписан, делегацию волновало куда меньше.

Директор завода согласно ответил за всех:

– Мы же портовый город! Мы, как-то, по-другому и не думали. Иван Захарович, большое человеческое спасибо! Наш бронепоезд, будет первым морским бронепоездом в мире!

– Сейчас, всем трудно. Война. И ваша помощь фронту, как никогда, вовремя. Значит, договорились! Морскому бро-

непоезду – быть! Составляете список, того что нужно и приносите ко мне. Мы согласовываем с начальством, и устанавливаем на наш – морской бронепоезд.

– Хорошо! – почти единогласно отвечает делегация завода.

Холостяков поднимается с кресла.

– И не затягивайте!

– Иван Захарович, это не в наших интересах! – серьёзно отвечает директор завода. – Сделаем, всё по возможности быстро.

– Ну, вот и ладушки.

Холостяков, не спеша вышел из-за своего большого дубового стола, чтобы проводить гостей. Делегаты поднялись со своих мест. Он подошёл к членам делегации и каждому лично, на прощанье пожал руку.

Глава 4. Знакомство

Конец ноября 1941 года. В просторном кабинете, сидя прямо под портретом Сталина, Холостяков читает личное дело:

«…33 года, волевой, смелый, решительный, не ропщущий перед начальством. Всегда горой за своих подчинённых. Может хорошо и быстро разрядить обстановку в конфликтной ситуации. Знает военную науку и умеет правильно, применять эти знания на практике. Командовал бронепоездом №2 «За Родину!» в Одессе. Учувствовал в обороне г. Одессы…»

В дверь постучали.

Иван Захарович прерывает чтение и поднимает голову, отрываясь от папки с документами, громко произносит:

– Войдите!

В кабинет входит старший лейтенант Михаил Ильич Чернышковский. Он вошёл, плотно прикрыв за собой дверь, и вытянулся по струнке, отчеканил доклад:

- Старший лейтенант Чернышковский, по вашему приказу прибыл!

Холостяков, его внимательно и оценивающе осмотрел. Потом ещё раз посмотрел документы, листая его личное дело, лежащее перед ним на столе. И лишь после этого, заговорил.

– Здравствуйте, Михаил Ильич. Примерно таким, я вас

и представлял. Ершистый… Гордый… Упрямый… Но мне, это нравиться!

Старший лейтенант Михаил Ильич Чернышковский стоял не шелохнувшись.

Губы Холостякова тронула лёгкая улыбка, и он дружески сказал:

– Вольно, Михаил Ильич. На фронте, о вас, уже легенды ходят. Присаживайтесь! Одна оборона Одессы, чего стоит! Ваш бронепоезд, творил чудеса!

– Да какие там, легенды! Какие чудеса, – скромно возразил ему Михаил, – Иван Захарович, мы, всем экипажем, просто хорошо выполняли свой долг. И всё.

– Скромность украшает человека! – Холостяков отложил папку в сторону, его тон стал деловым. – Ну, да ладно! Мы, не об этом сейчас. Я, вас, пригласил сюда, для того, чтобы назначить командиром нового бронепоезда. Который, вскоре, должен выйти из цехов Новороссийского вагоностроительного завода. Михаил Ильич, что на это скажите? – он пристально посмотрел на старшего лейтенанта. – Вы, готовы, возглавить новый бронепоезд?

Михаил Чернышковский ответил искренне и честно:

– Я, готов пойти служить, в любое место, куда пошлёт Родина и коммунистическая партия. Но, Иван Захарович, у меня условие.

Холостяков удивлённо, но не зло переспросил:

– Чего-о?! А не рановато ли ты, товарищ старший лей-

тенант, начал ставить начальству условия? Или ты что, под трибунал захотел?

– Никак нет! – спокойно ответил Михаил. – Разрешите, объяснить, моё видение ситуации. И вы, всё поймёте. Ну, а если я, покажусь вам неправым, можете меня отдать под трибунал!

– Смело! Ладно, валяй! – но Иван Захарович видел, как горели глаза молодого старшего лейтенанта, и дал ему спокойно высказаться. Сам же, внимательно слушал и не перебивал.

– Раз уж, лежит перед вами моё личное дело, – заговорил Чернышковский, – значит, вы знаете, что я служил на бронепоезде №2 «За Родину!». Так вот, я, в ходе боёв, вычислил, его слабые точки и места. Поэтому, предлагаю следующую перестройку бронепоезда. Две бронеплощадки. В каждой из них, устанавливается по две пушки полубашенного типа, калибра 76,2, угол возвышения которых должен быть не меньше 85^0. Это позволит стрелять не только по наземным целям, но и отлично прикроет от налёта самолётов противника. Обязательно, на каждой бронеплощадке по четыре пулемёта «Максим», по два с каждой стороны. А также, по центру бронепоезда, поставить зенитную установку, в виде учетверённого пулемёта «Максим». Далее, по всему телу бронепоезда, равномерно расставить 12 пулемётов. Два ДШК в голове и хвосте состава. Три перископа, по одному в каждой бронеплощадке, третий – в командирской рубке. И один даль-

номер, стереоскопический. Я знаю, что сейчас с такой техникой есть проблемы, поэтому, прошу один, а не два или даже три. Кроме этого, обязательно, связь по всему бронепоезду в виде корабельной. Плюс, радиосвязь. Теперь, перейдём к техническим деталям. Броня. Вертикальная броня бронеплощадок и всего поезда 58 мм. Воздушная прослойка 100 мм, и 50 мм обшивку из дерева. Один вагон, для комсостава. Три мягких вагона, для личного состава. Вагон, для боеприпасов. Вагон, баня, вагон – столовая, он же клуб, куда можно будет поставить киноустановку. Если позволите, конечно. И, самое главное! Паровоз, необходимо перевести, на жидкое топливо. И естественно, необходим вагон для топлива. Знаю, что не хватает вагона для медика, но думаю, излишне увеличивать размеры бронепоезда. Если и будут раненые, то прекрасно сможем их разместить в вагонах для личного состава.

Михаил Чернышковский перевёл дух. Переложил фуражку с одного колена на другое. И стал ждать ответа.

Холостяков внимательно слушал будущего командира бронепоезда. И для себя, делал заметки.

Видя, что начальство слушает и не перебивает, смело Михаил продолжил дальше.

– И напоследок. Иван Захарович, я считаю, что по сути, это будет перестройка бронепоезда №2, которым я командовал в Одессе. Отсюда, делаю вывод, что это его сын. То есть, предлагаю, дать ему название, в честь, так сказать отца, бро-

непоезд «За Родину!». Я закончил.

Михаил отчеканил последнюю фразу и стал ждать с нетерпением ответа Холостякова, подсознательно чувствуя, что ему не откажут. Но, как показывала практика, что начальство, всегда инициативным сотрудникам бьёт по шапке, приготовился ждать отказ. Но вместо этого, Холостяков, утвердил его перестройку бронепоезда!

Холостяков довольный докладом, закивал головой.

– А, что?! Мне нравиться. Толково! – через паузу произносит Иван Захарович. – Давайте, всё, что вы мне сейчас рассказали, подробно изложите на бумаге…

– Я уже! Ну, в смысле, он у меня давно проработан. Хотел, при удобном случае, предложить на рассмотрение начальству! – Михаил достал из внутреннего кармана листок, исписанный разборчивым каллиграфическим почерком, и протянул его Холостякову.

– Замечательно! Видите, не зря прихватили бумаги с собой! – воскликнул Холостяков, но тут же взял себя в руки, продолжил. – Тогда, остаётся один пункт! Пишите ходатайство, на присвоении бронепоезду имени «За Родину!», – и протянул ему чистый лист бумаги.

Михаил Чернышковский принял из рук командира военно-морской базы чистый лист, положил его на край стола, быстро и не раздумывая написал ходатайство. И протянул его обратно Холостякову, тот немедля поставил на нём свою размашистую подпись и положил листок на стол перед со-

бой, прямо на личное дело Чернышковского.

Заговорил Холостяков официально, глядя куда-то под стол:

– Михаил Ильич… – он, достал из ящика стола бумаги, – вот ваше назначение на должность! – и протянул документы старшему лейтенанту, переводя на него свой взгляд. – Можете проследовать на завод, и осмотреть строящийся бронепоезд. Да, и заодно, зайдите к нашему коменданту… Это по пути. Он вам выделит комнату. Не на улице же вам ночевать! А все ваши предложения, по переделке бронепоезда, сегодня же будут отправлены на завод. Вопросы есть?

– Никак нет. Разрешите идти? – вставая со стула, ответил Михаил.

– Идите.

Холостяков посмотрел Чернышковскому в след. Тот надел на голову фуражку и зашагал в сторону двери. А когда та захлопнулась за ним, тихо, бурча себе под нос, произнёс:

– Эх! Талантливый чертяка! Главное, чтобы не сгинул… – последние слова предложения он проглотил. – Надо держать его, всегда подальше от штаба, и поближе к фронту. Не то сожрут, чёрные вороны…

В кабинете, никого кроме самого Холостякова не было, но он, всё равно огляделся по сторонам, так, на всякий случай. Не подслушивает ли его кто.

Глава 5. Морская база, Туапсе, декабрь 1941-го

Михаил Чернышковский подошёл к КПП и предъявил дежурному свои документы. Матрос, проверил протянутые ему для осмотра бумаги и пропустил на территорию базы, где был собран командный состав, для нового морского бронепоезда. Быстрыми и уверенными шагами, Михаил прошёл через плац. Вошёл в здание и поднялся в нужный ему кабинет.

– Вот! Это, всё тебе! – указал рукой на стопку дел, упитанный и с лысеющей головой, капитан первого ранга.

Михаил Ильич, не откладывая на потом, принялся просматривать дела назначенных ему в подчинение офицеров и матросов.

– Отлично! – радостно воскликнул Михаил, радуясь, как ребёнок, стопке документов, приготовленной по его просьбе. – Удружили! Поликарп Матвеевич! Меня, всё устраивает. Закрутский… Исаюк… Михайловский, опытный путеец! Магденко, разведка! И ещё несколько человек, служили со мной на бронепоезде №2. Хорошие ребята! От души! Уважили! За новичков, не могу пока ничего сказать. Но думаю, не хуже моих будут.

Чернышковский отложил просмотренную папку, и взял

очередное личное дело. Он внимательно и с пристрастием изучал его содержимое, при этом разговаривал с Поликарпом Матвеевичем, не отрываясь от папки с документами.

– Вот видите! – дружески улыбается тот. – Мы, даже, учли ваши приоритеты и интересы! Так что, вам, ещё не хватает, Михаил Ильич?!

Отвечает Михаил Чернышковский, в его голосе чувствуется лёгкое возмущение:

– Мне, всё хватает. Кроме одного! Без комиссара, я не покину Туапсе! Бронепоезд, пока строится… Поэтому, у меня, время ещё есть. Я, Поликарп Матвеевич, подожду. Прямо здесь, подожду! – берёт следующую папку.

Капитан первого ранга всплеснул руками:

- Ну, что мне с тобой делать, а?! Вот ты упрямый, Михаил Ильич! – он прошёлся по кабинету. – Вот если б, не знал тебя раньше, выгнал бы в три шеи, из своего кабинета! Или вообще, в кутузку бы запер. Может, там бы, остыл! – садится на свой стул.

Михаил спокойно, пробегает глазами по личному делу. Отвечая, пожимает плечами:

- Ваше право, Поликарп Матвеевич. Но, поймите! Бронепоезд, это тот же корабль. Уйти в море, не в полном составе, плохая примета. Матросы не поймут.

– Какие к чёрту, плохие приметы?! Отставить плохие приметы! – закипая, отвечает капитан первого ранга и снова поднимается со своего стула. – Мы, Советские люди! И в

приметы, нам, верить нельзя! Или вы забыли?!

- Сейчас, война идёт. И люди, не только в приметы верят, но и в Бога… И запретить вы им, не в силах. Да! Представьте, даже в храмах службы разрешили!

Капитан первого ранга, задыхаясь от возмущения, едва не кричит на своего «протеже»:

– Чернышковский, да ты… ты, что совсем охренел?! – он вышел из-за стола.

– Нет, разве что, самую малость! – старший лейтенант упорно стоит на своём. – Вы поймите, Поликарп Матвеевич, хороший комиссар в подразделении, это лучше любого батюшки! Он матросам и Бог, и Отец, и друг, и, в конце концов, как батюшка. Вы же сами, не один год во флоте! Я уверен, что вы, всё прекрасно понимаете, о чём я говорю. Так и скажите, что есть приказ сверху, и вы, боитесь его нарушить.

Капитан первого ранга шумно выдохнул. Прошёлся по кабинету. Почесал затылок. Потом быстро подошёл к телефонному аппарату и вдруг, остановился, и ещё раз внимательно посмотрел на Чернышковского. Словно ожидал от него подвоха. Но Михаил, взгляд начальства выдержал. Поликарп Матвеевич, взял со стола пачку папирос, достал одну, прикурил. Затянулся и заговорил:

– Ладно! Чёрт с тобой! Попробую решить твою проблему. Но! – он поднял указательный палец правой руки вверх, и, пригрозив им Михаилу, строго добавил, – Но, чтобы у меня! С дисциплиной, всё в ажуре было! Если что, погоны к чёр-

товой матери! В штрафбат пойдёшь!

Чернышковский согласно кивнул головой.

– Буду стараться! Поликарп Матвеевич, вы же меня знаете.

- Вот то-то и оно, что знаю! – Поликарп Матвеевич смягчает тон, подходит к телефонному аппарату и поднимает большую чёрную трубку, ловким движением крутанул ручку и поднёс её к уху.

– Дежурный! … Соедини меня, с военно-политической академией имени Ленина. … Жду.

Через какое-то время, в трубке ответили.

– Яков Сергеевич, приветствую вас!

– И вам здравствовать Поликарп Матвеевич. Чем обязан? – из трубки слышится голос Якова Сергеевича, начальника школы.

– Очень срочно, нужна ваша помощь, Яков Сергеевич! По вашей части.

– Чем смогу, тем помогу. Выкладывайте вашу просьбу.

– У меня тут, э… в кабинете, сидит мой старый знакомый. Хороший парень. Уже командир бронепоезда… – он грозно посмотрел на Чернышковского. – Правда, упрямый, как осёл!

Чернышковский хотел что-то сказать, но хозяин кабинета, жестом левой руки, осадил его.

– Говорит, не поеду в расположение бронепоезда, пока не припишите ко мне комиссара. И всё тут! Ни есть, ни пить

сказал, не будет, пока не достану ему комиссара. А где ж, я ему, его возьму?!

Кабинет Якова Сергеевича. Пожилой человек в очках, стоит у телефонного аппарата, засунув левую руку в карман, и смотрит в окно. На столе, стоит стакан горячего чая в серебряном подстаканнике.

– Упрямство, – улыбаясь, он, отвечает капитану первого ранга, – это плохо… А, вот, настойчивость, это хорошо. Поликарп Матвеевич, нехорошо уходить из базы, неполным составом. Примета плохая…

– И вы, туда же! – раздаётся возмущённый голос Поликарпа Матвеевича.

– Насколько я слышал, это народный бронепоезд. И к тому же, он флотский! – Яков Сергеевич, вытащил руку из кармана и почесал лоб. – Тогда, ваш знакомый, прав! Я, целиком на его стороне. Ему, конечно, вставят за упрямство по пятое число, но я посодействую в этом вопросе. Замолвлю наверху словечко, чтоб не шибко влетело.

– Хорошо. Спасибо. Так чего мне с комиссаром-то делать?!

Яков Сергеевич, засовывая руку обратно в карман, немного поразмыслив, отвечает:

– Да есть у меня на примете, один выпускник… – он повернулся к столу, взял стакан с чаем и сделал небольшой глоток и вернул его на прежнее место. – Хороший парнишка. Недавно закончил учёбу.

– Толковый?

– Очень! Борис Зиновьевич Хавин. Молодой, талантливый, всей душой болеет за партию, армию, страну, народ. Думаю, вам, в самый раз будет!

– Вы думаете? – голос в трубке, звучит как-то недоверчиво.

– Я не думаю, Поликарп Матвеевич! Я уверен! – немного грустно продолжил. – Я, просто, придерживал его… Не хотел, абы куда отдавать. А вам, в самый раз будет. Познает, все тяготы армейской службы, притрётся, по обкатается и много чему научиться! – Яков Сергеевич вытащил руку из кармана, и потёр её переносицу. – Чувствую, что судьба вашего бронепоезда, несладкая будет. А раз так, то и проверите его на прочность! – берёт стакан с чаем и делает большой глоток.

Капитан первого ранга довольный результатом разговора, подмигивает Чернышковскому.

– Большое вам спасибо, Яков Сергеевич! Когда ожидать? – делает затяжку, и прижимает плотнее трубку к уху.

– Думаю завтра, будет уже у вас. Может послезавтра. Дороги, сами знаете, сейчас какие! – звучит голос в трубке.

Капитан первого ранга выдыхает дым. И искренне благодарит Якова Сергеевича.

– Будем ждать. Огромное вам спасибо! До свидания.

– И вам, не хворать! – так же дружески и искренне звучит голос в трубке.

Поликарп Матвеевич, положил трубку на аппарат и, улы-

баясь, посмотрел на Михаила. Специально выждал паузу, и заговорил:

– Будет тебе, Михаил Ильич, завтра комиссар! Ты доволен? Упрямец ты эдакий! – он взял графин и налил себе воды в стакан.

– Завтра… Завтра, буду доволен! – Михаил, сменил гнев на милость. – Но, всё равно, большое спасибо. Спасибо Поликарп Матвеевич, за понимание.

Капитан первого ранга, сделал глоток из стакана, улыбнулся и ответил:

– Удачи тебе, Михаил Ильич!

– Благодарю. Она нам, действительно не помешает… Поликарп Матвеевич, она нам всем, не помешает! Чувствую, что война не завтра кончится.

Капитан первого ранга, вздыхая, кладёт бычок от папиросы в пепельницу.

– Это верно.

Чернышковский встаёт со стула и выходит из кабинета. Поликарп Матвеевич, отвернулся к окну. Ухмыльнулся. Потом тихо произнёс:

– Да уж… Нескоро…

Глава 6. Новороссийск, 14 января 1942-го

На заводском перроне, стоял новенький бронепоезд. Вдоль него, выстроился парадный строй экипажа, состоявший почти полностью из моряков-краснофлотцев. Сильные порывы ветра, приносили с собой, из-за высокого забора, тучи снежинок. Перед строем стояли Холостяков, Шурыгин, директор вагоноремонтного завода и прочее городское начальство. Бронепоезд, закрывал собой строй вьюги, поэтому большая часть снега и порывов ветра приходилась на начальство. Но это, не мешало произносить им, свои пламенные речи.

- Товарищи рабочие и матросы! – Шурыгин торжественно произносил свои слова. – Прошло, всего несколько месяцев ударного труда, и вот, перед нами стоит, новейший и очень мощный бронепоезд! Он построен, на средства, собранные заводскими рабочими! Это, в основном, труд рук женщин и подростков! Это их усилиями и их же руками создан, этот боевой красавец! И сейчас, мне как начальнику обороны города Новороссийска, поручено озвучить вам, присвоенное название вашего бронепоезда!

Заиграла торжественная музыка. Двое рабочих завода, подошли к паровозу. Один, взобравшись наверх паровоза,

второй снизу, развязали верёвки и сбросили большой кусок серой, плотной ткани, что прикрывал название бронепоезда, совсем недавно написанное, ярко красной краской, на корпусе паровоза.

– Товарищи! – Шурыгин продолжает, – Нашему бронепоезду, присвоен боевой порядковый номер десять! И учитывая пожелание, как строителей, наших заводчан и жителей города, так и разработчиков, присвоить бронепоезду имя «За Родину!»! Ура товарищи! Ура-а!

Строй разразился троекратным «Ура!».

Рабочие завода, в основном женщины и подростки, со слезами на глазах, хлопали в ладоши. Мокрый снег мешал разглядеть эти слёзы.

Шурыгин, выждал паузу. Ликование стихло. Он продолжил торжественную часть:

– Товарищи! А теперь, настало время, вручить боевое знамя командиру подразделения, Чернышковскому Михаилу Ильичу! – площадь взорвалась от эмоций, взгляды у всех пылали. – А вручить знамя, предоставляется командующему военно-морской базой товарищу Холостякову Ивану Захаровичу! Попросим!

Очередная волна оваций. Холостяков, сделал два шага вперёд, неторопливо развернул знамя. Два матроса, вышедшие из-за его спины, помогли ему надеть его на древко.

Из начала строя, вышел Михаил Чернышковский и, чеканя шаг, подошёл к начальству.

– Михаил Ильич! – продолжал свою речь Холостяков, – Вручаю вам, боевое знамя вверенного вам нового подразделения! Желаю вам лично, и всему личному составу, и самому бронепоезду №10 «За Родину!», меньше повреждений, ранений, а больше удачных операций! Всегда возвращались домой с выполненным заданием, целыми и невредимыми! Чтобы били врага так, как никто другой! Чтобы знал фриц, как приходить в наши дома и убивать наших родных! Я не только надеюсь, но и хочу, чтобы наш, краснофлотский бронепоезд стал страшной грозой, для фашистов и их прихвостней! Чтобы боялись враги, от одного упоминания имени его! Ура, товарищи! Ура-а!

Строй моряков и рабочих слились в едином крике «Ура!»

Холостяков, выждав паузу, когда стихло ликование, продолжил:

– Разрешите озвучить первый приказ. Бронепоезду №10 «За Родину!», приказано, немедленно прибыть на станцию Приморско-Ахтарскую!

К командиру бронепоезда, чеканя шаг, подошёл комиссар. Чернышковский передал знамя Борису Хавину. Михаил, глядя на строй, отдал команду:

– По места-ам!

Рабочие завода, на прощанье махали матросам руками и платочками, а экипаж, выполняя приказ своего командира, стал спешно грузиться в бронепоезд. А начальство, осталось терпеливо стоять и смотреть пока их детище не скроется за

воротами завода.

У входа в один из вагонов где произошла небольшая заминка при погрузке, разговаривали два закадычных друга канонира, оба лейтенанты, Пипченко и Исаюк.

Пипченко оглядываясь идущего следом друга:

– Да говорю тебе, нас, прямиком в бой погонят! И не спорь с папой.

– Так ты, вроде стреляный воробей?! А не веришь своему другу! Протри очи, и оглянись по сторонам. Кругом война…

– Ты слухай меня. Вот именно! Война! Вон, в ноябре, в Москве, танки с Красной площади прямо в бой шли. Значит и мы так же. С корабля на бал попадём.

Они подходят к лестнице, ведущей в вагон бронепоезда.

– Не-е! – Исаюк отрицательно машет головой, – Нас ещё не всё начальство облобызало. Вот когда, от самой маковки, до пяточек, да через попочку пройдётся, каждый! Вот тогда, и отправят на фронт. Мы ж, народные! А такое у нас, ценят, любят и в газетах об этом пишут.

Подталкивает вперёд своего товарища, со словами:

– Давай, залезай уже! Разговорился он.

– Давай поспорим!

– А, давай! На что?

– Хоть, на твою махорочку!

– Да легко! – и протягивает другу руку.

– Белый, разбей!

– Хм! Товарищи офицеры, нашли ж время! – главстарши-

на Белый, огромного роста детина, недовольно бурчит. Лейтенанты пожали друг другу руки, главстаршина перебил рукопожатие и после этого они скрылись в глубине поезда.

Глава 7. Командирский кубрик

В кубрике находились командир Михаил Ильич Чернышковский, комиссар Борис Зиновьевич Хавин и комсорг Александр Щетинин.

– Так, товарищи, – Чернышковский бегло осмотрел кубрик, потом перевёл взгляд на своих подчинённых, и закончил фразу, – пойдем, пообщаемся с личным составом бронепоезда. Расположиться мы, всегда успеем.

– Думаете, стоит? – комсорг Щетинин спрашивает смущаясь. На его щеках, появляется румянец.

Борис Хавин улыбается и даёт дружеское наставление:

– Запомни, Саша, всегда, личное общение с подчинёнными, лучше заочного. Только так, и никак иначе. Верно, Михаил Ильич?

Михаил Чернышковский, согласно кивает головой и дополняет слова комиссара:

– Верно. Да и к тому же, рядовому составу, всегда душу греет тот командир, что с ним в окопах сидит, – поправляет ремень с портупеей, – и в атаку идёт. А когда нужно, и по душам поговорить может.

– Ну что, идём? – нетерпеливо спрашивает Борис.

– Пошли! – командир первым шагнул за порог.

Втроём, идут в вагоны личного состава. Первым командир, политрук и замыкал Щетинин. Комсорг несколько

приотстаёт. Им навстречу, проходит молоденькая военврач, Ирина Александровна. Взгляды молодых людей встречаются. Александр тонет в зелёном омуте глаз девушки, забывая, куда и зачем он идёт… И с налетает на открытую дверь, и набивает себе на лбу огромную шишку. Военврач мило улыбается и… не оборачиваясь, идёт дальше. Комсорг готов был сгореть от стыда, но командир с комиссаром уже стояли на пороге первого вагона.

В вагоне расположились пулемётчики и канониры. Матросы неторопливо обустраивались на своих новых местах. Раскладывали вещи.

- Здравия желаю, товарищи матросы! – громко приветствует личный состав командир Михаил Чернышковский.

Вслед за ним поздоровались комиссар и, отставший на несколько шагов, комсорг.

Матросы в ответ поднялись со своих мест, хором ответили:

– Здравия желаем, товарищ старший лейтенант!

– Вольно. Ну, что мужики, устроились? Как тут, нормально? Не дует?

– Нормально! – отвечает один из матросов.

– Просто шик! – поддерживает второй.

– Прямо курорт какой! – улыбаясь, вторит друзьям третий матрос.

– Это хорошо, что вам нравиться! – оглядел подчинённых старший лейтенант. – Мужики, на бронепоезде, существует

немного другой уклад службы, нежели в других частях и на флоте. Всё же, флотский, ближе. Но вы, все люди бывалые. Имеете не один поход за плечами, разберётесь чё к чему. Если возникнут вопросы, то обращайтесь либо ко мне, либо к моим заместителям, товарищу комиссару или на крайний случай к товарищу Щетинину.

– У матросов, нет вопросов! – отвечает первый матрос по фамилии Уткин.

– Ага. Пока нет других матросов! – улыбаясь, заканчивает поговорку Борис Хавин.

Громкий смех прокатился по вагону.

Михаил Чернышковский, выждав паузу, серьёзно продолжил:

- Сейчас, ваша задача, досконально изучить бронепоезд. Где, что находится, и где, что лежит. Чтобы знали, как своих пять пальцев, и могли, закрытыми глазами найти! От этого, зависит живучесть и боеспособность нашего бронепоезда.

– Разберёмся! – послышался бас главстаршины Белого. – Михаил Ильич, нас тут человек двадцать тех, кто под вашим командованием воевал в Одессе на бронепоезде №2. Мы научим!

- Отлично. Спасибо старшина! И остальным, тоже спасибо. Мужики, главное запомните, что нам, отступать некуда. Бронепоезд, до последнего остаётся на поле боя. Экипаж дерётся до последнего патрона и снаряда. И для того, чтобы оставаться занозой у фашиста, сами знаете где, мы долж-

ны наладить работу нашего бронепоезда, как единое целое. Коллектив наш, должен стать единым организмом! Чтобы, при любой ситуации, каждая деталька, винтик нашего большого организма, продолжал работать, ни смотря, ни на что. Наш бронепоезд, должен стать фашистам поперёк горла! Если угодно, шилом в заднице! – он перевёл дыхание, взглядом пробежался по матросам и строго спросил, – Если, среди вас, есть те, кому, что-то не нравиться, можете быть свободными. Сделать это можете прямо сейчас. И только сейчас! – Михаил выдержал паузу. – Потом, у нас на это не будет времени. Да и церемониться ни с кем не буду. Кто сделает это сейчас, даю слово офицера, переведу в любую часть и осуждать сам не буду, и никому не позволю.

В вагоне воцарилась полная тишина. Все смотрели на своего командира. Чернышковский ещё раз пробежался своим цепким взглядом по лицам матросов. Но ему, так никто и не ответил. Он одобрительно кивнул головой.

– Вот и отлично! К вам, можно поворачиваться спиной! Назад, мужики, хода нет. Будем бить фашиста, да так бить, чтобы горела земля у них под ногами!

Глава 8. Станция Приморско-Ахтарская

По прибытию в Приморско-Ахтарск 19 января 1942-го, личный состав бронепоезда №10 «За Родину!», кроме заступивших матросов в караул, был построен на перроне прямо перед бронепоездом. Погода стояла паршивая. С моря дул сильный, пронизывающий ветер. С туч срывался не то дождь, не то снег. Но экипаж терпеливо стоял и ждал.

– Они там, что, про нас совсем забыли? – тихо пробурчал Исаюк.

– Нет, Гриня, – Пипченко шепчет в ответ, – проверяют твою, советскую, терпелку!

– Хочешь поспорить? – с азартом в голосе, спрашивает Григорий Исаюк.

– Не-е!

– А, чё так?

– Спорилка замёрзла!

– Понятно. Сдулся…

Вот, наконец, из здания вокзала, вышел в сопровождении двух штабных офицеров, майора и подполковника, командующий Черноморским флотом контр-адмирал Горшков. Он, строго осмотрел строй. Потом остановил жестом своих подчинённых, и сам, в сопровождении Михаила Чернышковско-

го, прошёлся вдоль бронепоезда и выстроенного личного состава.

Контр-адмирал зычно поздоровался:

– Здравия желаю!

– Здравия желаю, товарищ контр-адмирал! – ответил строй.

– Ничего так… Молодцы… Всё серьёзно… Грамотно и со знанием дела… – комментировал Горшков, рассматривая новенький бронепоезд.

– Я, учёл все недостатки бронепоезда №2, на котором до этого служил. И внёс, необходимые корректировки в проект нового бронепоезда… – рассказывал контр-адмиралу Михаил.

– Вижу… Не многовато ли, у вас пулемётов? – с лёгким укором посмотрел на старшего лейтенанта Горшков.

– Нет, товарищ контр-адмирал! – уверенно ответил Чернышковский. – В самый раз! Ведь бронепоезд, должен выдерживать нападения противника сразу со всех четырёх сторон! – Михаил указал рукой на пулемёты. – Если, хоть одна сторона, останется без прикрытия, бронепоезд перестанет быть неприступной крепостью. А переставлять пулемёты, – он опустил руку и посмотрел на контр-адмирала, – с места на место, вовремя боя, считаю, глупой тратой времени.

Контр-адмирал Горшков спросил, глядя пристально на Михаила:

– Товарищ Чернышковский, а как вы сами думаете, на что

способен ваш новый бронепоезд?

– Ну-у, он не мой… – улыбнувшись, отвечал старший лейтенант. – Он наш. Народный! Построен, бронепоезд, на средства рабочих Новороссийского вагоностроительного завода…

– Ну, ладно! Ладно! Михаил Ильич, я к словам не цепляюсь. Я, спрашиваю, лично ваше мнение.

Чернышковский бегло окинул своим, можно сказать, отцовским взглядом бронепоезд, потом перевёл взгляд на контр-адмирала и честно глядя ему в глаза ответил:

– Моё мнение, таково. Я думаю, ему нынче, гораздо проще будет бороться с самолётами противника! Наши пушки, поднимаются почти вертикально. Это позволяет прикрывать всё небо. Этого мне, так не хватало там, в Одессе. Я прям, чувствовал это! Фриц, буквально засыпал сверху бомбами! И когда мне удалось прикоснуться к созданию нового бронепоезда, то я, первым делом, решил улучшить то, чего, так не хватало в бронепоезде №2. Наш бронепоезд №10, это сын погибшего бронепоезда №2. Поэтому, мы его и назвали как отца «За Родину!».

– Ну да… Ну да…. Добротно сделали… – одобрительно кивнул головой Горшков.

– Товарищ контр-адмирал, разрешите, я вам бронепоезд изнутри покажу?

– Спасибо, ненужно. Я уже всё посмотрел, что хотел. Михаил Ильич, у нас мало времени. Пройдёмте в здание стан-

ции, я вам всё объясню. А то холодно.

– Слушаюсь! – вытянулся по струнке старший лейтенант.

– Да бросьте вы! – махнул рукой Горшков. – Не на параде. И людей распустите! Чего будут мёрзнуть-то без дела. Поди, и так уже замёрзли!

Михаил Чернышковский понимающе кивнул головой.

– Всем разойтись! – мгновенно отдал он приказ.

И зашагал вслед за контр-адмиралом. Замёрзший экипаж, радостно стал расходиться по своим вагонам.

– Ну, наконец-то! – выдохнул Пипченко. – Змерз, как цуценя!

– Чё ты плачешь, как пехота?! – подначил Исаюк. – Моряк, выше голову!

– Ой! Как будто, самому не холодно!

– Нет! Не холодно. Мне тельняшка душу греет!

– Иди уже, балаболка морская! – подтолкнул Пипченко друга, и они скрылись в глубине бронепоезда, а начальство вошло в здание станции Приморско-Ахтарская.

Контр-адмирал и Чернышковский спешно прошли в кабинет начальника станции. Здание плохо отапливалось, поэтому все ходили в фуфайках, пальто, бушлатах. Но, народу было совсем немного и те, работники железнодорожной станции. Заходили в нужный кабинет и быстро уходили по своим делам.

Горшков, строго приказал начальнику станции:

- Оставьте нас!

Круглый как шарик, начальник станции, молча и немного испуганно, кивнул головой и тяжело дыша, вышел из кабинета. В коридоре стояли, дымя папиросами, два штабных офицера из свиты контр-адмирала. Они посмотрели на начальника станции, улыбнулись, майор подмигнул ему, и продолжили свой тихий разговор. Контр-адмирал Горшков заговорил первым, когда захлопнулась дверь за начальником станции.

- Михаил Ильич, – он развернул карту на единственном и свободном столе в кабинете, – вам, надлежит, в кротчайший срок, не привлекая внимания противника, прибыть в Азов. Там и будет ваша постоянная база. К прибытию бронепоезда, уже всё готово. Так, во всяком случае, мне доложили.

– Это хорошо. Не придётся тратить время на обустройство базы.

– Мы тоже об этом подумали. Так, дальше, смотрите сюда… – Горшков склонился над картой, показывая командиру бронепоезда район дислокации воюющей армии, – Здесь, ведёт бои 56 армия. Вы, как и другие подразделения, входите в состав Отдельного Донского отряда Азовской флотилии.

– Так точно.

– Бронепоезд №10 «За Родину!» входит в состав противовоздушной обороны, и поступаете в распоряжение капитана третьего ранга Фроликова.

Контр-адмирал строго посмотрел на Чернышковского.

– Ясно.

– Сейчас и здесь, на станции, со складов, загружаете полные вагоны снарядами, патронами, провизией, ну и так далее. Вы немаленький и расшифровывать, что брать я вам не буду. Просто там, на фронте, сейчас, напряжённая ситуация с боеприпасами. А так, вы приедете уже готовые к бою. Чем сразу усилите оборону. А эшелоны с боеприпасами на днях подойдут. Я обещаю.

– Я понял, товарищ контр-адмирал. Разберусь. Наша конкретная задача на данном этапе?

– Бронепоезду №10 «За Родину!» предписывается усилить противовоздушную оборону Азова и всего участка фронта. А также, уничтожать все десанты противника, которые фашисты высаживают на берега Дона и Таганрогского залива. Бои сейчас, на этих рубежах, идут не шуточные. Нашей авиации почти нет. Вот фрицы и летают безнаказанно, в нашем небе. И вам, Михаил Ильич, задание выпало не из лёгких. Гитлер, изо всех сил, рвётся к Ростову-на-Дону, к Батайску. А это, ворота на Кавказ! Небо нужно закрыть. Полностью конечно не закроете, но с таким вооружением, сможете хотя бы их сдерживать и наносить им большой урон в боевой технике.

– Я вас понял, товарищ контр-адмирал. Сделаем всё, что в наших силах. Разрешите приступить к погрузке? – Чернышковский оторвал взгляд от карты и посмотрел на Горшкова.

– Удачи вам! – попрощался контр-адмирал, складывая карту, – Сейчас, начальник станции, Аркадий Константино-

вич, поможет вам с погрузкой. Если что, то сразу звоните мне. Я разберусь. Ваш бронепоезд, со своей мощью нужен на фронте, а не обивать пороги кабинетов!

– Есть. А…

Контр-адмирал остановился, обернулся.

– Все необходимые документы и распоряжения, он уже получил.

– Ясно. Вопросов больше не имею.

Контр-адмирал на прощанье кивнул головой и шагнул за порог кабинета, не прикрывая за собой дверь.

– Теперь куда, товарищ контр-адмирал? – спросил подполковник.

– В штаб! – отозвался Горшков. – Чёрт! Чуть не забыл. Давай в Ейск… – окончание фразы Михаил Ильич уже не слышал.

Штабные офицеры двинулись следом. Буквально через секунду, в свой кабинет, вошёл начальник станции Аркадий Константинович. Он был взволнован, растерян и немного испуган, и периодически оглядывался по сторонам. С улицы донёсся звук заведённого автомобильного двигателя, хлопнули дверцы, и постепенно гул двигателя удалился, растворяясь в дали. Контр-адмирал укатил на служебном авто.

Михаил Чернышковский внимательно осмотрел начальника станции.

– Ну что, хозяин медной горы, показывай свои закрома! – Михаил по-дружески хлопнул по плечу уже немолодо-

го, круглого, как шарик, мужчину. – Время не ждёт!

Глава 9. Склады. Ст. Приморско-Ахтарская

Михаил Чернышковский, в сопровождении начальника станции, прошествовал через весь перрон к складам. Аркадий Константинович затрясся, как лист на ветру. Михаилу это показалось подозрительным. Но он, не подал виду, но решил на всякий случай усилить патрули вокруг бронепоезда.

– Аркадий Константинович, да перестаньте вы трястись как липка на ветру! Большое начальство, уже уехало! Или вы, может, меня боитесь?

– Нет. Не вас! – ответил Аркадий Константинович.

– Ну и, слава Богу!

– Это вам, привычно. А меня, до сих пор трясёт. Как глянет, своим взглядом коршуна…

– Да-а, взгляд у него тяжёлый! – тут он увидел старшин и окликнул их, – Главстаршина Белый! Старшина Загон! Живо расставить усиленные патрули вокруг бронепоезда! – тихо себе под нос, – Тут ещё и погода не к чёрту… – потом громко продолжил, поёживаясь от очередного порыва ветра, – И четыре, по периметру. И зенитчиков, на крышу!

Главстаршина и старшина козырнули, живо побежали выполнять приказ командира. И уже через минуту, патрули по три человека разошлись в разные стороны от бронепоезда.

Михаил, провожая взглядом расходившиеся в стороны патрули, продолжи разговор с начальником станции:

– А вы привыкайте, Аркадий Константинович. Тут уж, ничего не поделаешь, – ответил Михаил начальнику станции, – теперь, так всё время будет. Одно большое начальство приезжает, другое уезжает. Война. Будь она неладна…

Начальник станции остановился около гидранта, переводя дыхание, не то от быстрой ходьбы, не то от страха, не то от ветра. Шумно выдохнул и указал на него пальцем, сказал:

– Вот здесь, можете воды набрать. В первом ангаре, топливо. Берите сколько нужно…

Михаил Чернышковский с прищуром огляделся по сторонам, увидел машинистов Кононова и Петрова, без дела стоявших чуть в стороне от паровоза и куривших самокрутки, махнул им рукой. Те, живо потушили и спешно подошли к командиру.

– Вот вода, там в первом ангаре топливо! – Михаил отдал приказ. – Заправьте под завязку. Как для себя!

– Так точно! – отзывались хором Кононов и Петров.

Начальник станции, рукой показал вправо, где стояло отдельно большое складское строение.

- В этом ангаре, склад с продовольствием. Там кладовщица Аглая. Она уже в курсе. Скажите, кто, какое подразделение, она всё зафиксирует, а вы потом распишитесь…

- Кладовщица Аглая. Кладовщица-то симпатичная? Чаем угостит? – но начальник станции никак не отреагировал на

шутку. Михаил вздохнул и продолжил, – Распишусь… Куда ж я денусь…

Командир оценивающе посмотрел на расстояние до склада. Потом посмотрел на начальника станции. Вопрос напрашивался сам собой, но Аркадий Константинович его опередил с ответом.

– Там, два грузчика. Оба, мужчины пожилые… Сами понимаете, людей не хватает… – развёл он руками, – Все, на фронт рвутся! А работать, кто будет? Старики, да дети?

– Щетинин! – позвал он комсорга, стоящего на ступеньках вагона бронепоезда и ловившего ртом, то и дело, срывающиеся с неба снежинки. Но услышав голос командира, тут же сделал вид, что спускается по ступенькам. – Бери десяток… Нет, лучше двадцать человек и вперёд, на загрузку продовольствия!

– Слушаюсь! – ответил комсорг Щетинин, ловя ртом большую снежинку.

– Что, в жопе детство заиграло?! Бегом, я сказал! – строго прикрикнул Михаил и сам улыбнулся, тихо вздыхая, – Эх, молодость… Время, в которое уже нельзя вернуться…

Щетин побежал в бронепоезд.

Начальник станции, ничего этого не видел. Он прошёл чуть вперёд и остановился. За ним проследовал и Чернышковский.

– Аркадий Константинович, по-моему, остались боеприпасы.

– Да. Да-да. Это во-он те, крайние склады. Вон! – он указал пальцем вдаль. – Там, вооружённая охрана. Вот им и предъявите распоряжение контр-адмирала… – и протянул старшему лейтенанту листок.

Михаил Чернышковский поморщился, понимая, что расстояние неблизкое. Раза в два дальше, чем до продуктового склада.

– А случаем у те… – берёт протянутую ему бумагу, – у вас, случайно, машины свободной нет?

– Откуда! – развёл он руками.

Михаил Чернышковский спрашивает с надеждой в голосе:

– Что, даже, нет ни одной, плохенькой подводы?!

– Я же говорю! – начальник станции немного нервно отвечает. – Всё забрали… На нужды фронта! Правда, обещали вернуть… Но что-то, я этим обещаниям, не верю. Не-е! Я, без претензий. Я же понимаю, война. Нехватка транспорта.

– Ну-ну.

Михаил Ильич, ещё раз поморщился. Ему очень не нравилось расположение складов. Получается, что приходится задействовать почти весь экипаж бронепоезда. А разъединять вагоны, ему никто не даст. Да и он сам, на это не пойдёт.

Мимо спешно проходил комиссар, к нему подбежал, припадая на правую ногу, пожилой человек в путейской форме и в шапке ушанке. То и дело, придерживая её от сильных порывов ветра.

– Борис Зиновьевич! – обратился старик к Хавину, – Борис Зиновьевич! Я, посмотрел все печки в поезде. Исправил недоделки. Теперь, все греют нормально. Личному составу будет тепло.

– Захар Семёнович, огромное вам спасибо! И благодарность от всего черноморского флота! – искренне поблагодарил Борис печника.

– Да ладно. Чего уж там. Вы сынки, главное фашиста крепко бейте. У меня, два сына погибли, в июле сорок первого… Отомстите за них. Я бы сам пошёл, но ноги уже плохо слушаются…

– Борис Зиновьевич! – позвал Чернышковский комиссара. – Срочно подойдите ко мне!

- Я вам обещаю! А теперь, простите меня, Захар Семёнович, начальство срочно зовёт. Ещё раз, большое вам спасибо!

– Да что уж… тут… а как жешь…

Старичок понимающе, несколько раз, кивнул головой, и уже неспешно, прихрамывая поковылял дальше по своим делам.

Комиссар, быстро подошёл к командиру бронепоезда.

- Там это… Личный состав жаловался, что печки в вагонах плохо греют, дымят… Вот, я нашёл человека, и он всё исправил. Заводские недоделки были…

- Это хорошо. Борис… – удовлетворённо кивнул головой Михаил, – Теперь, бери особо мёрзнущих и аккуратных, да

выносливых и вперёд на загрузку боеприпасов. Вот распоряжение контр-адмирала. Склады, вон те! Крайние! И что б мне, комар носа не подточил! И дополнительную охрану выставь!

Начальник станции одобрительно закивал головой.

– Да, именно те.

– Ого! – удивлённо воскликнул комиссар, – Далековато будет! А…

– Нет! – строго ответил Чернышковский. – И машин нет! И подвод нет!

– Мне, правда, вам нечем помочь, – с сожалением в голосе произнёс Аркадий Константинович глядя на комиссара.

– Ясно. На себе, так на себе… – потирая шею, ответил Борис.

И комиссар Хавин, молча и быстро удалился выполнять поручение, мысленно ругая, начальника станции, за нежелание помочь в погрузке.

Михаил Чернышковский оглянулся по сторонам. Кругом закипела работа. Дело спорилось. Но что-то ему не давало покоя. Он всё чаще и чаще ловил себя на том, что стал оглядываться по сторонам, как будто, ему кто-то смотрит в спину, через прицел винтовки.

– Извините, я вам больше не нужен? Я могу идти? – окликнул Чернышковского начальник станции.

Михаил, вырванный из своих размышлений, ответил немного отрешённо:

– А?! Да… Да, да. Можете идти, Аркадий Константинович. Спасибо.

Он проводил начальника станции задумчивым взглядом до самых дверей железнодорожной станции.

– Чем ты так напуган… – едва шевеля губами, произнёс старший лейтенант.

Где-то из-за складов послышался гул двигателя грузового автомобиля и быстро стих. Михаил Чернышковский, думая о том, как всё не организованно на складах, и что не так с начальником станции, не обратил на это внимания.

Глава 10. В это же время за складами

За продуктовым складом, у глухого торца здания, остановилась крытая полуторка. Из кабины вышел молодой человек, внешне очень похожий на воришку «щипача», в кепке и блатной походкой. Он осмотрелся по сторонам. Играючи, пнул камешек. Потом прогулялся по глухому переулку. Дошёл до угла склада и как бы невзначай выглянул из-за него. Там, стоял один из патрулей с бронепоезда. Парень, так же играючи, вернулся к полуторке, откинул полог и шёпотом произнёс:

– За углом, трое патрульных. Вооружены. На путях стоит бронепоезд. Остальной экипаж занимается погрузкой боеприпасов и провизии. Серьёзная охрана, только около складов с боеприпасами.

Ему ответили из темноты кузова:

– Отлично. Контр-адмирала не взяли, так бронепоездом потешим себя. Вы трое, убрать патруль.

Из-под брезента выскочили трое диверсантов, одетых под простых советских людей. Они огляделись по сторонам и направились в сторону продуктового склада, где стоял вооружённый патруль. Один выглянул из-за угла.

Патруль стоял на том же месте, и матросы между собой

переговаривались.

– Пошли, до кустов сходим? – предложил первый патрульный невысокого роста.

– Чёго тама делать? – отозвался второй, широкоплечий парень, прикуривая папироску и прячась от порыва ветра.

– Да я, до ветру схожу. А то тут, как-то неудобно. Люди кругом. А заодно и посмотрим, что там за машина гудела.

– Ну чёго, с тобой, делать?! – затягиваясь, отозвался второй матрос, – Пошли, коль так невмоготу.

- Идите! – заговорил третий патрульный, кутаясь в бушлат. – Я отсюда за вами посмотрю. Здесь в затишке постою чуток, отогреюсь. А то замёрз, как цуцик на ветру.

– Вот, тля зелёная, компания ядрёная, досталась! – улыбаясь и шутя, произнёс, – Один ссыкун, второй мерзляк! И кто, вас во флот взял… Эх!

Матросы поравнялись с кустами, как из густых ветвей им в грудь ударили ножи. Третий патрульный увидел, как оседают товарищи, вскинул винтовку, но нож, молниеносно брошенный третьим диверсантом, попал ему точно в сердце. Диверсант, успел подскочить и поймать винтовку, до того, как она лязгнула бы о камень. Тела убитых, быстро и осторожно, перенесли в кусты и положили рядом. Диверсанты, выполнив задание, вернулись к машине, стоявшей по-прежнему за складом. Там шла беседа. Старший группы, вёл разговор с остальными членами диверсионной группы.

– Так. У нас, был приказ, – говорил командир группы, –

взять или уничтожить адмирала. Но! Это задание, сорвано, по независящим от нас обстоятельствам. Проклятые советы! Здесь всё, через жопу!

Он стукнул кулаком о ладонь. Взял себя в руки и продолжил:

– Я, сейчас пойду и поговорю с нашим «другом», с глазу на глаз! Из-за которого, мы не выполнили задание! И вправлю ему мозги. А вы, – он окинул строгим взглядом своих подчинённых, – занимайте позиции и открывайте огонь по бронепоезду. Я, этим краснопузым, покажу, как нужно Родину любить! Наша задача, захватить бронепоезд. Всем ясно?

– Командир, ты уверен в своём решении? – отозвался ещё один член группы, мужчина средних лет и большим опытом за плечами. – Их много. Нас мало. Можем не справиться. К тому же…

– Но и мы, тоже не пальцем деланы! – повысил голос командир группы, и зло посмотрел на говорившего человека. – Разве не так? Внезапность, наш козырь! Видишь, они все заняты и без оружия.

– А как же, патрули? – не унимался тот.

– К чёрту патрули! – командир немецкой диверсионной группы практически кричал. – К чёрту разведку! Отставить разговоры. Выполнять приказ!

Собеседник, зная жёсткий характер командира группы, в ответ, лишь кивнул головой, взял МП40 и выпрыгнул из ку-

зова. Остальные диверсанты, последовали его примеру, брали оружие в руки и стали готовиться к бою.

Глава 11. На перроне

Михаил Чернышковский ходил по перрону и следил за погрузкой боеприпасов. Вот он развернулся и неторопливо пошёл к продовольственному складу. Там, так же работа кипела полным ходом. И вскоре можно было трогаться. Единственное, что оставалось узнать, и это его беспокоило сильнее всего, насколько затянется ручная погрузка боеприпасов. Думая обо всём сразу, Михаил отошёл в сторону от склада, оказавшись между двумя строениями. Подул сильный, пронизывающий ветер. Он поёжился и посмотрел на небо. Погода портилась. Небо заволокли тяжёлые чёрные тучи. Мелкий снежок, опять начавший срываться с них, подгоняемый ветром нёсся всё дальше и дальше, превращаясь в позёмку. Как он любил такую погоду! Когда можно, спокойно побродить в одиночестве по пустынным улицам любимой Одессы… Да, холодно и ветрено… Люди, прячутся в домах от ветра и снега… Ты один… Бредёшь по пустынным улочкам… Размышляешь о том, о сём… И так спокойно…

Мимо пробежал матрос, держась за штаны, прерывая его воспоминания.

– Сосыка, ты куда это?! Отлыниваешь? – удивлённо и строго спросил Чернышковский.

Сосыка отвечает на бегу:

– Ни как нет, товарищ старший лейтенант! Простите, я не

отлыниваю. Чой-то, живот прихватило! А до кустов ближе, чем до гальюна!

– Верно. Но смотри там, – улыбаясь, предупредил он матроса, – хозяйство себе не отморозь!

Сосыка добегает до кустов и кричит в ответ:

– Не-е! Такое добро, ещё мне нужно!

Чернышковский отвернулся. Но краем глаза успел уловить, неловкое движение матроса, как будто он покачнулся и упал. Или просто присел? Михаил повернулся. Никого.

Михаил Чернышковский произнёс мысль вслух:

– Показалось… Наверное, уже в кустах засел. Надо же было такому случиться… И чего, он такого съел? Вроде, все ели с одного котла… И повар у нас, отличный…

Не успел Михаил закончить свою мысль, как из-за кустов, и ещё десятка мест открыли огонь по бронепоезду и его экипажу больше десяти стволов. Все, кто был на перроне, живо упали на землю. И командир тоже. Сюрприз оказался неожиданным и весьма неприятным. Прежде чем личный состав бронепоезда укрылся от огня нападавших, несколько человек погибло, и ещё несколько получили ранения.

Михаил Чернышковский громко отдал приказ:

– Всем приготовиться к бою!

Глава 12. Здание ст. Приморско-Ахтарская

В опустевшее здание, через чёрный ход, вошёл мужчина. Было видно, что он знает куда идти. Незнакомец, в шапке и стёганке на овечьем меху, свернул налево, и, пройдя по коридору до двери, с табличкой «Начальник станции», с силой распахнул её.

Начальник станции, завидев гостя, в дверях своего кабинета, вздрогнул и испуганно воскликнул:

– Ты?!

– Я.

– Ты как здесь?!

– Да вот, пришёл к своему двоюродному братцу, чтобы посмотреть в его брехливые глаза! – гость, плотно закрыл за собой дверь и запер её на щеколду. – Ты, братец, нас предал! А предательства, я не прощаю! Наверное, горбатого, могила исправит?!

– Я не понимаю…

– Машина, которую ты, сволочь, нам дал, сломалась! Не знаешь почему? Не твоих ли рук, это дело?

– Я тебя не понимаю… – выпучив глаза на круглом и побелевшем от страха лице, отвечал Аркадий Константинович.

– Это ты, гнида, подстроил так, чтобы мы не смогли до-

браться до адмирала? – диверсант подошёл к столу и навис над начальником станции. – Дав нам, заведомо неисправную машину? А? Отвечай краснобрюхий братец! Иначе, я тебя по стенке размажу! Деньги взял, а работу не выполнил?! А, сука?! Мы из-за тебя, не выполнили задание. Еще легавые крутились рядом. Носа, не могли высунуть! Что, сука, хочешь, на двух стульях усидеть?!

Начальник станции заёрзал на стуле, отрицательно мотая головой и бурчал, едва не плача:

- Я тут, вообще не причём… Я всё сделал, как ты говорил… просил… И, машину тебе дал… Прошу, не убивай меня! И про контр-адмирала рассказал… Я прошу тебя! Я тебе, ещё пригожусь…

– Аркаша, ты жалок… Как, впрочем, и все ваши советы…

Через окно, донеслась стрельба. На станции шёл бой. Начальник станции встрепенулся, надеясь на спасение.

– Не дёргайся! Там, – диверсант, кивнул в сторону окна, – всё идёт по плану. И вообще, забудь про задание и контр-адмирала! Ты, лучше, мне вот что скажи, – он подошёл вплотную к своему двоюродному брату, – как тебе, Аркаша, при красных живётся? Совесть не мучает?

Аркадий Константинович отвечает, трясясь от страха, и нервно перебирая пальцами:

– Нормально… Хорошо… Митяй, если тебе нужны деньги… Ты, только скажи, они есть! Я дам… Много дам! Ради Христа, не стреляй! Вот… Вот, начальником станции стал…

Ты, зря не встал на нашу сторону… И отец, тоже зря…

Диверсант взорвался от злости и негодования, скопившейся у него за эти многие годы.

– Ты, батю моего, сука красная, не трогай! Руки грязные! – его лицо побагровело от злости. – Он, настоящим казаком был! Царю, Вере и Отечеству служил! Тебя с сёстрами приютил, когда твой батько погиб, а матушка умерла при родах. Не то, что ты, продажная сволочь! И не купился, на ваши псевдонародные ценности! Ты что, и вправду думал, что тебе землю дадут, свободу?! Дак у тебя и так было земли полным-полно! И свободы через край! Ты, братка, ленивым и трусливым рос! Ни шашкой махать, ни на коня вскочить… А, на земле, братец, трудиться надо! Ручками своими нужно всё делать! – Митяй, выставил руки вперёд с раскрытыми ладонями вверх. – Всё бы вам большевикам, с коммунистами, работать поменьше, а денег и власти побольше! Продажные, ленивые, сиксоты! Одним словом, жиды! Сука…

При этих словах, он так сильно махнул пистолетом, что начальник станции думал, что это его смерть пришла, побледнел и покрылся холодной испариной. А за окном, разгорелся настоящий бой. Бронепоезд не остался в долгу. Он ответил мощным огнём. Но диверсанта, это обстоятельство никак не волновало. На его лице, не дрогнул ни один мускул. Он знал, зачем сюда пришёл, и пока не выполнит задуманное, не уйдёт! И плевать ему на задание! На стрельбу! На бронепоезд! На фашистов!

– Так какую тебе, Ленин со Сталиным, землю обещали?! Батькину? Дедову? Ты что, не видишь, что все никчёмыши, вроде тебя, стали председателями колхозов, начальниками, коммунистами, парторгами, комсоргами! И ты, ты-ы, – он ткнул в брата пистолетом в толстую шею, – теперь горбатишь на них! За их, сука, и-их, скудную зарплату! Казаков истребили, пуская по стране реки крови! Крестьянство загнали в рабство! Вот, твоя, советская власть! Вот, её истинное лицо! Это ради неё, ты продал моего батю и всю мою семью?! Ради, этого светлого, советского будущего?! Что бы вольные казаки, превратились в рабов, гнущих спину на жидов? Ты этого, так яростно желал? Я тебя спрашиваю, тварь ты пузатая!

Начальник станции отрицательно покачал головой. Он тужился что-то сказать, но язык, от страха прилип к нёбу. В глотке пересохло, и из его рта лишь изредка вырывались не членораздельные звуки.

Митяй с презрением:

– Мычишь, как дохлое теля… Аж противно! Фу! Лучше бы ты, так мычал, когда батю в ЧК сдавал! – при этом, дал смачную оплеуху своему двоюродному братцу. – Ненавижу!

Митя отошёл от стола. Не спеша прошёлся по кабинету. Остановился у окна и совершенно не прячась, посмотрел через стекло на улицу. Но смотрел он не на своих товарищей, что вели бой с экипажем бронепоезда, а на небо, на тучи, на ветер, несший миллионы мелких снежинок…

– Я, не за фрицев! – он видел, как бронепоезд открыл

шквальный огонь по диверсантам, но на его лице не дрогнул ни один мускул, ему было плевать на тех людей, что с ним пришли, он чётко знал, зачем вернулся и чего хочет. – И Родину, не предавал! Единственным моим желанием, было, попасть на свою Родину. Я вернулся. Вернулся на землю своих славных предков! Без Родины, тяжело жить… Здесь, прадеды мои захоронены. Здесь, я сделал, первый свой шаг. Здесь, впервые сел на коня… Шашку, впервые, взял в руки… Да тебе, гнида продажная, этого всего не понять! Здесь корни мои! Правда, ты-ы вот, гнилой оказался…

Аркадий немного справился с мандражом и спросил, потирая место удара:

– А… а, зачем ты… тогда пришёл? Разве, ты не с немцами заодно?

– Да. Я прошёл подготовку в диверсионной школе! Я их ненавижу! И тех, кто пришли со мной, тоже ненавижу! Они предатели! Предали свою Родину! Они меня бояться, как лютого зверя, думают, что я, настолько люблю фашистов и выслуживаюсь перед ними! Не-ет! Ошибаются и те, и другие! Немцы, это враги моей Родины! Вторые, те, что со мной пришли, это предатели!

– Тогда… Тогда, зачем ты здесь?

– Посмотреть тебе в глаза! Да поквитаться с тобой, за свою родню.

Митя сурово посмотрел на двоюродного брата. Тот вжался в стул и ещё больше покрылся испариной, не смотря на

холод в кабинете.

– Ты-ы, убил моего отца! А он крестил тебя! Ты, убил мою мать! Ты, убил моих братьев и сестёр! Что эти недоросли тебе сделали? Отобрал всё наше имущество. Это за то, что мы тебя приютили? Я с маленькой сестрой Маришкой на руках, едва ноги унёс, от твоих дружков краснопузых! А детей-то за что убивали? А? Тебе, было этого мало?! Так ты, сука, ещё и мою невесту, себе в жёны взял! Ничего, нигде не треснуло?! Какие вы жалкие и подлые людишки, революционеры! Завидуете всем, кто лучше вас живёт, кто умнее вас, кто трудолюбивее вас! А любовью к стране и желанием помочь народу, прикрываетесь! Да вся ваша власть, стоит на трёх китах – властолюбие, зависть и алчность! Я тебя, и таких как ты, не-на-вижу! И никогда не прощу! Слышишь? Не прощу! – он скинул руку с пистолетом. – Горите в аду! Твари краснопузые! Вы, уничтожили весь цвет нации! Вы, паразиты! Вы, паразиты общества! Правильно говорил Столыпин, жечь вас надо было, калёным железом, ещё тогда в 1905! Всех жечь!

Глава 13. Около бронепоезда

В первые несколько секунд со стороны бронепоезда не было ни единого выстрела. Но очухавшись, вооружённые патрули вступили в бой. Они со всех сторон стали стягиваться к месту нападения и открыли ответный огонь по диверсантам.

Михаил Чернышковский, громко кричал:

– Окружай диверсантов! Заходи им с тыла!

С бронепоезда ударили два пулемёта. В ответ стрельба не прекратилась. Но была уже более хаотичной и неприцельной.

Михаил видел, как Магденко со своими ребятами разведчиками Поповым, Грищенко, Черненко и старшиной Загоном стал обходить склад, чтобы ударить с тыла и окружить заросли, в которых укрылись нападавшие.

В этот момент, один из диверсантов, молодой парнишка, отделился от группы и направился в сторону здания станции. И никто, кроме Чернышковского, этого не увидел.

– Врёшь, сука не уйдёшь! – пробурчал себе поднос Михаил, и последовал за ним.

Ещё один пулемёт подключился. И теперь нападавшим стало вовсе не поднять головы. Видя такое положение, что диверсантам никуда не деться, Чернышковский бросился вдогонку за ним. И успел первым заскочить в здание, и быстрее того, подбежать к дверям чёрного выхода, как раз в ту

самую минуту, когда отварилась дверь… Чернышковский, что было духу, врезал рукояткой пистолета по голове парня. Тот обмяк и осел.

– Ну, вот и ладушки, – тихо произнёс Михаил и осторожно выглянул за дверь, дабы убедиться, что там никого больше нет. – С одной диверсионной группой покончено… Осталось выяснить, куда ты так спешил… Сейчас посмотрим…

А на улице, бой стал потихоньку стихать.

Осторожно, оглядываясь по сторонам, он двинулся по коридору железнодорожного вокзала, прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за дверей, пока не подошёл к двери начальника станции. Он замер, пытаясь услышать, о чём говорили за дверью. Но из соседнего кабинета, вышла испуганная выстрелами женщина. Увидев вооруженного мужчину, ещё больше испугалась.

Михаил Чернышковский шёпотом произнёс, прикладывая указательный палец правой руки к губам:

– Тихо! Свои. Я, Чернышковский, командир бронепоезда. На станции диверсанты. Спрячьтесь, от греха подальше, в своём кабинете! И не открывайте двери, пока всё не стихнет. Ясно?

Женщина послушно кивнула головой в знак согласия и скрылась за дверью своего кабинета, закрыв её на засов изнутри.

– Ну, вот и ладушки… – опять шёпотом пробурчал себе поднос Михаил.

Он ещё раз посмотрел на дверь начальника станции. Заслышав из-за неё подозрительный шум, приложил ухо к двери. В кабинете, точно кто-то был. И явно с недобрыми намерениями. Какой-то человек, по голосу было слышно, что это мужчина, громко разговаривал. Угрожал. Михаил осторожно взялся за ручку двери, но та оказалась заперта. Проверил пистолет и сделал два шага назад.

Глава 14. Кабинет начальника станции

Гришка навёл пистолет на своего двоюродного брата. И в это мгновение, дверь, от сильного удара ногой, рывком распахнулась. Рука диверсанта рефлекторно нажала на спусковой крючок. Пуля попала точно в сердце. Начальник станции так и умер, с удивлением на лице. Прозвучал ещё один выстрел. Пуля попала диверсанту между лопаток, тот обернулся и, глядя прямо в глаза Чернышковскому, стал медленно опускаться на пол кабинета.

– Вот так, будет совсем хорошо. Ты, наверное, у нас главный… То есть, главарь… Интересно, а что ты тут делал? Ты ещё что-то говоришь? Чего-Чего?! – Михаил прислушался к словам умирающего диверсанта.

Из груди Митяя доносился булькающий звук:

– … вы… ещё потом… памятники казакам… о примирении… будете ставить…. Но вам, это не поможет… вы прокляты… знайте, прокляты…

– Не понял?! – негромко произнёс Михаил, нахмурив брови.

Диверсант падает на пол. Чернышковский, не совсем понимает, о чём говорит незнакомец, но всё же подходит к нему и присаживается на корточки, чтобы попробовать жи-

вой он или нет. Но тот, резко хватает Михаила за руку и тихо говорит, с искренней и счастливой улыбкой:

– Я, не предатель… и умираю… на Родине… в России… слышишь… краснопузый… в России…

Изо рта течёт струйкой кровь… И всё… Дух диверсанта, казака из раскулаченной семьи, покинул бренное тело. А стрельба, за окном, постепенно стихла.

Михаил Чернышковский тихо произнёс, почёсывая затылок и осматривая кабинет Аркадия Константиновича:

– Да-а, дела. Действительно, пути Господни, неисповедимы…

По коридору слышен топот ног бегущих людей.

Комиссар и ещё несколько матросов, с оружием наперевес, вбегают в кабинет.

– Что у вас тут? – встревоженно кричит Хавин. – Кто стрелял?

– Я стрелял. Уже, полный порядок. Он, один был! – спокойно отвечает Михаил.

– Ясно! – отвечает Борис Хавин, убирая пистолет в кобуру.

Чернышковский тоже убирает свой пистолет и интересуется:

– Как там? Стихло?

– Уже да. Десять убитых. Пятеро раненых…

– У нас?! – испуганно воскликнул командир бронепоезда.

Спокойно отвечает Борис Хавинсон, оглядывая кабинет

начальника станции:

– Не-е! – отрицательно кивает головой, – У диверсантов. У нас трое тяжелораненых. Ирина Александровна уже их перевязывает. Их потом нужно будет отправить в лазарет. И двое убитых… К сожалению… И у семерых царапины.

– Твою дивизию! – облегчённо выдохнул Михаил, – Напугал чертяка. С наших всегда начинать надо! С наших!

– Виноват! – Борис виновато опустил взгляд.

– Это мы, ещё легко отделались. Хотя двоих потерять, это тоже много! При таком раскладе, у нас куда больше должно быть убитых. Значит, что-то у них пошло не так…

Главстаршина Белый, громким басом, сотрясает воздух кабинета, появляясь на пороге:

– Михаил Ильич, там ещё три… Точнее, троих патрульных нашли. Убитые. И Сосыку, зарезанного, в кустах, нашили.

– Он, мёртв? – спросил Чернышковский.

– Да, – ответил главстаршина и вышел в коридор.

– Значит, ещё четверо… А, вот это, уже плохо. Очень плохо! – расстроенно произнёс Михаил и почесал подбородок. – Мы потеряли шестерых! Двое тяжёлых… И это, в тылу! А не на фронте.

Борис Хавин пытается как-то оправдать сложившуюся ситуацию и поддержать своего командира:

– Но диверсантов, мы всё-таки обезвредили. Это факт! Ещё нужно проверить, что это за птицы!

Михаил Чернышковский, через небольшую паузу, ответил, не сводя взгляда, с убитого им диверсанта:

– Факт. Им, не бронепоезд нужен был. Это тоже факт! Мужиков жалко… – Михаил, вспомнив, встрепенулся. – Да! Там, у двери, ещё один должен быть. Посмотрите, как он жив, чи нет. Спешил к своему командиру.

– Зачем?! – с недоумением спросил Борис.

Ответил, Михаил Чернышковский, пожимая плечами:

– Не знаю… Но думаю, наверное, доложить обстановку. А там, кто его знает. Я же говорю, глупая затея, маленькой группой, вот так, открыто, нападать на бронепоезд!

Матросы живо побежали к двери, и оттуда послышался радостный крик.

– Лежит, голубчик! Живой! Приходит в себя! – крикнул матрос Жилин.

– Сейчас приведём! – отозвался второй матрос по фамилии Уткин.

Борис Хавин с интересом смотрит на командира.

– Михаил Ильич, с вами всё нормально? – спрашивает комиссар. – Что здесь, вообще, произошло?

– Да нормально. Сдаётся мне, – Михаил перевёл взгляд на комиссара, – что наш начальник станции, был с ними связан. Но как, боюсь, мы уже не узнаем никогда. Этот здоровяк, – он кивнул на мёртвого диверсанта, – его убил. За что, не знаю. Я ворвался в кабинет, в тот самый момент, когда он Аркадия Константиновича застрелил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.